

Хотя эти распечатанные правила выглядели весьма жутко, раз уж она сюда попала, бояться или нет — уже не имело особого значения.

Элкс совершенно спокойно убрала листок с кровавыми надписями и переключилась на другой, где были напечатаны правила под названием: [Памятка для проживания в научно-исследовательском институте «Саншайн»].

[Памятка для проживания в научно-исследовательском институте «Саншайн»]

1. В общежитии не предоставляется услуга дневного отдыха, оно предназначено исключительно для ночного сна.
2. Время комендантского часа в общежитии — двенадцать часов ночи. Выходить из комнат запрещено после одиннадцати часов вечера, ограничения снимаются в шесть часов утра.
3. В общежитии запрещено шуметь и громко разговаривать, в коридорах запрещено бегать.
4. Сотрудникам запрещено ходить друг к другу в гости по ночам. После наступления темноты, пожалуйста, оставайтесь в своих комнатах.

Эта памятка выглядела совершенно нормально: никаких рукописных пометок, занимающих свободное место на бумаге, и шрифт не был кроваво-красным.

Честно говоря, по мнению Элкс, те пометки ничем не отличались от ббрёда психически больного человека.

Предварительный диагноз — у автора явно наблюдались приступы агрессии и паранойи.

Хотя Элкс лишь бегло просмотрела текст, она уже запомнила всё, что там было написано.

Однако на всякий случай она всё же убрала оба листка в карман, чтобы случайно нигде не потерять и не лишиться их навсегда.

Тяжело рассчитывать на одну лишь память — лучше записать, а в данном случае сохранить бумажные версии было самым разумным решением.

Что же до тех механических голосов, Элкс мысленно назвала их [системой], а её первой подсказкой стало то, что «путь к спасению таится в правилах».

В этом отношении они точно не лгали...

Пусть нельзя гарантировать абсолютную правдивость каждого правила, вся эта информация критически важна для того, чтобы выжить здесь в дальнейшем.

Правила служат важным ориентиром... не говоря уже о том, верны ли они все до единого.

Умение распознавать правильные правила — это тоже проявление способностей.

Судя по имеющейся информации, у неё определенно есть компаньоны, Элкс здесь не одна.

Иначе в правилах проживания не появился бы пункт о том, что «сотрудникам запрещено ходить друг к другу в гости».

Но Элкс не слишком волновал этот факт, её заботила лишь собственная работа.

Значит, теперь ей предстояло отправиться на работу?

Подумав об этом, Элкс усмехнулась про себя: работа? Разве это не то, в чём она разбиралась лучше всего?

В общем, для начала надо отработать смену.

Хотя она угодила в какую-то странную копию локации, полное опасностей и абсурда место, будучи закоренилой корпоративной работницей, Элкс очень быстро вошла в привычный ритм.

Она подошла к ростовому зеркалу в спальне, чтобы привести в порядок свой костюм.

Внешний вид имеет важнейшее значение, во время работы нужно выглядеть подобающе.

Чёрная рубашка в сочетании с белым халатом казались Элкс стандартной рабочей униформой.

Она привыкла одеваться именно так даже дома: чёрный костюм, чёрные брюки и наброшенный поверх белоснежный халат.

Завязав галстук-бабочку, Элкс внимательно оглядела себя в зеркале.

Её смоляно-черные волосы длиной до поясницы напоминали падающий вниз водопад, но из-за недостаточного ухода выглядели немного растрепанными.

Кожа же из-за многолетнего дефицита солнечного света приобрела болезненную бледность.

В паре золотистых глаз застыли непротающие льдины, насквозь пропитанные холодным равнодушием.

Из зеркала на неё смотрела высокая и холодная женщина, чей рост метр семьдесят восемь прекрасно гармонировал со строгим костюмом, придавая ей особый шарм.

Она посмотрела на свои длинные волосы, и ей показалось, что они выглядят совершенно неуместно. Наверное, стоит... немного их укоротить?

С длинными волосами слишком неудобно, Элкс была уверена, что во время будущих экспериментов эта чрезмерная длина станет её только раздражать.

Элкс инстинктивно попыталась собрать волосы в хвост, но поскольку у неё не оказалось с собой ни резинки, ни заколки, ей пришлось оставить эту затею.

Когда же она вышла из своей комнаты под номером [404], в коридоре уже толпилась целая группа людей.

Четверо мужчин и две женщины, всего шесть человек, стояли в проходе, отчего и без того не самый просторный коридор стал еще более тесным и забитым.

Услышав звук открывающейся двери, они повернулись и уставились на эту женщину, которая казалась самой медлительной и копающейся из всех.

Похоже, лидер группы поманил Элкс рукой, после чего стоявшая рядом с ним женщина предостерегающе приложила палец к губам, призывая соблюдать тишину.

Элкс кивнула, прекрасно понимая, что собравшиеся перед ней люди — это сотрудники, участвующие в данном испытании вместе с ней, её коллеги.

Соблюдение молчания в данный момент полностью соответствовало требованиям памятки по проживанию.

Третье правило: «В общежитии запрещено шуметь и громко разговаривать, в коридорах запрещено бегать». Правила предельно просты и понятны, ничего туманного в них нет, стоит лишь как следует их соблюдать — вряд ли найдётся хоть один дурак, решивший искать смерти в таком месте.

Пока критерии того, что именно считается громким шумом, оставались неясными, лучше всего было вовсе не открывать рот: молчание — самый безопасный выбор.

Они наблюдали за Элвисом, а Элвис в свою очередь рассматривал этих людей.

Хотя говорить так не совсем хорошо, у Элвиса была легкая близорукость.

Хотя до такой степени, чтобы это мешало жить и заставляло путать мужчин и женщин дальше трёх шагов, дело не доходило, всё же некоторое едва уловимое неудобство присутствовало.

Она плохо видела вдаль, и лица людей в отдалении казались ей слегка размытыми.

У неё наблюдалось легкое расстройство распознавания лиц, иначе говоря, ей было трудно запоминать и узнавать людей.

Лишь подойдя ближе, Элвис заметила, что среди этой группы людей каким-то образом оказался её знакомый — её начальник, руководитель Цянь, тоже был здесь.

Эта группа людей разглядывала Элвиса, а Элвис точно так же изучала их.

Далеко не все сохраняли такое же хладнокровие, как те мужчина и женщина, что шли впереди; судя по наблюдениям Элвиса, сами они были едва знакомы друг с другом и объединились лишь на время. Они все были чужаками друг другу, а между незнакомцами редко возникает доверие... По сути, каждый занимался своими делами, а вместе они собрались лишь по принуждению.

Например, ее собственный начальник, управляющий Цянь, резко выделялся среди этой группы людей, словно оказавшись на самом ее краю и подвергаясь молчаливой изоляции.

Поэтому этот пузатый мужчина средних лет выглядел крайне напряженным, напоминая мечущегося на раскаленной сковороде муравья, полного сомнений.

Под косыми взглядами окружающих он то и дело вытирал руки, с беспокойством ерошил волосы и выглядел так, будто собирался что-то сказать, но не решался.

Однако всякий раз, когда он пытался заговорить, его что-то удерживало, и он умолкал — всеобщее молчание вокруг производило на него угнетающее впечатление.

Эокс догадывалась, что он хочет позвать именно ее, ведь в таком месте редко доведется случайно встретить знакомого.

Поэтому она кивнула управляющему Цяню, давая понять, что находится здесь.

Заметив кивок Сяо Ай, управляющий Цянь заметно расслабился и, похоже, успокоился: стало надежно, появился проверенный человек.

И хотя эта семерка держалась вместе, уже сейчас можно было с легкостью разглядеть очертания их скрытых взаимоотношений. Надзиратели состояли из одной пары — мужчины и женщины. Эфиония и управляющий Цянь были знакомы друг с другом как коллеги, а среди оставшихся двух мужчин и одной женщины двое, судя по всему, состояли в романтических отношениях.

Это был высокий и худощавый мужчина с выкрашенными в желтый цвет волосами, крысиным лицом и татуировкой, видневшейся на обнаженном предплечье.

Он держал за руку женщину с зелеными волосами, у которой тоже была татуировка — на ключице красовалась бабочка.

Зеленоволосая прижималась к плечу этого желтоглазого, словно ища в этом хоть капельку безопасности.

Эфиония страдала лицевой слепотой, поэтому для удобства мысленно окрестила их Желтобровым и Зеленоволосой — парочка мелких хулиганов.

Единственным же одиночкой оказался парень в очках, выглядивший как молодой студент.

Раз уж этот одинокий студент носил очки, пусть будет Очкарик.

Этот обособленный студент не жался к остальным, держался на расстоянии, тоже стоя на краю группы.

Всего набралось семь человек, но в этом коридоре было четыре комнаты, и каждая, судя по всему, предназначалась на двоих, так что в любом случае кто-то один оставался без пары.

Эфиония всё еще размышляла о нестыковке в числе людей, как вдруг ведущий мужчина уже подал знак.

Этот вожак сначала немного подождал в коридоре, а убедившись, что больше никто не выходит, жестами объяснил остальным свой план.

Сначала уходим отсюда, спускаемся вниз, а на улице уже разберемся.

Никто не возражал против такого решения.

В конце концов, они же не могли вечно торчать в коридоре — пусть даже днем солнечный свет, пробивающийся сквозь коридорное окно, немного успокаивал.

Но в нынешней ситуации никто ничего не знал, а оставаться в месте, где даже нельзя было перемолвиться словом, — от этого и впрямь захватывало дух.

Речь — это самый быстрый способ общения, но сейчас царило молчание, разве могло это не угнетать? Внутри бурлило столько вопросов, но высказать их было абсолютно невозможно.

И тогда толпа, словно насадка с цыплятами, гуськом двинулась следом за вожаком вниз.

<http://bllate.org/book/20812/2092427>